

И Переверзев еще ухитряется при этом, для защиты своей концепции, ссылаться на Плеханова. Где же его зоркость и проницательность? Или, быть может, ему недостает каких-либо иных качеств?

На это еще не все. Плеханов замечает по поводу поправки Маркса к Фейербаху: «Прибавим мимоходом, что эта гениальная поправка была подсказана «духом времени». В этом стремлении взглянуть на взаимодействие между объектом и субъектом именно с той его стороны, с которой субъект выступает в активной роли, сказалось общественное настроение того времени, когда складывалось мирозерцание Маркса — Энгельса. Революция 1848 г. была тогда уже не за горами...»¹.

У Маркса, Энгельса и Плеханова субъект выступает в активной роли по отношению к бытию. Именно в этом отличительный признак марксовского материализма. А у вас, проф. Переверзев, само бытие до того активно, что поглощает субъект без остатка и непосредственно определяет собой материал и структуру художественного произведения. Какое же общественное настроение сказалось в той поправке, которую вы делаете к Марксу и Плеханову?

VI. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ИСКУССТВА

Замыслами поэта ничего не объясняется, пишете вы. Это уж знакомое нам утверждение, что чувства, идеи, мирозерцание поэта не имеют никакого влияния на характер художественного произведения. Я уже объяснял вам, что вне всего этого не существует субъекта. Но в этом пункте наиболее очевидна фальсификация марксизма, которую вы допускаете. Сами замыслы поэта, его сознание обусловлены объектом, оно создается развивающейся действительностью. Но оно не устраняется, не приравнивается к нулю. В зависимости от характера сознания, сам объект представляется различным, причем это не мешает тому, что все различные сознания обуславливаются объектом. Все дело в том, что объект изменяется и ставит различных субъектов в различные к себе отношения, оставляя в них неодинаковые впечатления, мысли. Ясно, что и воспроизведение объекта будет различно.

«Литература — надстроечная система, которую мы определили как систему образов», — повторяет Переверзев свое излюбленное определение. Образы представляют собою социальные характеры со всеми их атрибутами. Образы ничего, кроме самих себя, не выражают. И в их системе на-

¹ Плеханов, т. XVIII, стр. 191.

строения, идеи художника не властны ничего изменить. Все это остается в стороне от художественного творчества. Раз так, то личность автора можно совершенно устранить из литературоведения, незачем ее привлекать, раз она ничего не изменяет, ничему не служит причиной, и, следовательно, апелляция к ней ничего не объясняет. Переверзев и приходит к выводу о необходимости устранения личности из критического анализа: «Если система образов оказывается детерминированной социально-экономически, если она подчиняется в своем развитии социально-экономической закономерности, то из объектов исследования литературоведа, из поля его зрения и поля его внимания выпадает совершенно авторская личность»¹.

Но ведь устранить из исследования авторскую личность — это и значит устранить субъект. Зачем же было городить огород с единством субъекта и объекта, раз можно обойтись совсем без субъекта? И еще хватает при этом храбрости ссылаться на Маркса! Так пишется философия.

Иначе рассуждал о роли субъекта Плеханов: «Что касается собственно «личности философа» и вообще всякого деятеля, оставляющего свой след в истории человечества, то весьма ошибаются те, которые воображают, будто теория Маркса — Энгельса не оставила для нее места. Место для нее она оставила; но она сумела в то же время избежать непозволительного противопоставления деятельности «личности» ходу событий, определяемому экономической необходимостью... Коренное положение исторического материализма гласит, как мы повторяли уже не раз, что история делается людьми»².

Марксизм заключается, оказывается, вовсе не в том, чтоб исключить личность и ее деятельность. Тогда можно, по выражению Фейербаха, провозгласить природу бумажным фабрикантом, хотя, в последнем счете, производство бумаги, несомненно, восходит до растительного мира. Человек является составной частью природы; однако нельзя отождествлять законы природы с законами человеческого общества. По мнению таких «материалистов» «десять заповедей написаны той же самой рукой, которая посылает громовые стрелы», как образно выражается тот же Фейербах.

А Переверзев именно это утверждает, когда говорит, что бытие, помимо личности автора, помимо субъекта, определяет непосредственно материал и структуру художественных про-

¹ «Родной язык» 1928, № 1, стр. 87.

² Плеханов, т. XVIII, стр. 228—229.

изведений. По его суждению «Мертвые души» написаны той же самой рукой, которой созданы сами социальные характеры Собакевичей и Маниловых, т. е. непосредственно производительными силами.

По мнению Плеханова, художники разделяются на два лагеря — охранителей и новаторов — и ведут борьбу вместе со своими классами. И те и другие опираются на объект, на его противоречиво развивающиеся части. И указание на личную инициативу в такой постановке не есть идеализм, как полагает Переверзев. Такое понимание роли личности и есть понимание истинной связи субъекта с объектом.

Переверзев совершенно исключает личность из исторического процесса, и в частности из истории литературы. А Плеханов рассуждал совершенно иначе об этом предмете.

Переверзев рассматривает субъект, деятеля только как следствие окружающих его условий. Плеханов держится опять совершенно иной точки зрения.

Переверзев видит только одну сторону медали. Раз сознание определяется бытием, то долой сознание; раз ход идей определяется ходом вещей, то долой идеи. Что субъект с его мышлением, будучи необходимым продуктом условий, является, в свою очередь, причиной, что его деятельность вызывает определенные следствия, этого он и слышать не хочет. Применительно к художественному творчеству положение марксизма может быть выражено так: сознание и воля художника обуславливаются бытием, но они в свою очередь обуславливают ближайшим образом характер художественного произведения. Бытие определяет художественное произведение не непосредственно, а через посредство сознания художника. Но при этом условии может ли выпасть личность «из объекта исследования литературоведа»?

Само это учение Переверзева, разумеется, обусловлено не непосредственно бытием, как это должно было бы неизбежно вытекать из его посылок, а именно сознанием Переверзева, отрицающего роль мышления в художественном творчестве. Это его сознание совершенно неверно отражает действительное положение вещей.

Так как у него выпадают идеи, настроения, мировоззрение автора из искусства, то неизбежно должен выпасть и анализ сознания личности, которая ни в чем другом себя и не обнаруживает, как только во взглядах, идеях и т. д. Раз выпадает личность, тем самым выпадает ее деятельность. Ну, похоже ли это положение хоть с какой-нибудь стороны на марксизм?

Слабость своего софизма Переверзев выдает за необычайную силу мышления. и тем усиленнее начинает кричать о материализме, об единстве субъекта и объекта. Но криками нельзя заглушить кричащей фальши и искажений, которые он вносит в марксизм.

Послушаем снова Плеханова: «В России до сих пор распространен тот странный предрассудок, что теория экономического материализма осуждает личность на бездействие; что если правы «экономические» материалисты, то «все» произойдет само собою; личности же остается только скрестить на груди руки. Не стану рассматривать, откуда явился этот предрассудок, скажу только, что он тотчас же исчезнет, как только наша интеллигенция даст себе труд вдуматься в теорию «экономического материализма»¹.

Этот предрассудок Переверзев принял всерьез за сущность «экономического материализма» и прилагает его к изучению литературы. Личность художника сводится к роли простого орудия отражения действительности. Ее понятия, настроения, симпатии и антипатии, стремления, желания, словом, все, что делает ее существование реальным, все это, по словам Переверзева, никак не влияет на характер художественного творчества. И в этом смысле художник творит, скрестив руки на груди. Такая личность, действительно, не нужна в литературоведении, и ее непременно нужно убрать с дороги литературоведа, как помеху.

Все объяснять свойствами личности — это идеализм. Но стремиться все объяснить свойствами самого объекта, сводя к нулю роль субъекта, это — вульгарный материализм. Плеханов равно далек от того и от другого. Он старается объяснить Переверзеву: «Если некоторые субъективисты, стремясь отвести «личности» как можно более широкую роль в истории, отказывались признать историческое движение человечества законосообразным процессом, то некоторые из их новейших противников, стремясь как можно лучше оттенить законосообразный характер этого движения, повидимому, готовы были забыть, что история делается людьми и что поэтому деятельность личностей не может не иметь в ней значения. Они признали личность за *quantité négligeable*. Теоретически такая крайность столь же непозволительна, как и та, к которой пришли наиболее рьяные субъективисты. Жертвовать тезой антитезы так же неосновательно, как и забывать об антитезе ради тезы. Правильная точка зрения будет найдена только тогда, когда

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 209—210.

мы сумеем объединить в синтезе заключающиеся в них моменты истины»¹.

Переверзев не может не знать этой точки зрения Плеханова. Но его понимание искусства как образов и только образов должно было его непременно привести к этой непозволительной теоретической крайности, к ликвидации субъекта, к устранению личности из художественного творчества и научного анализа литературного произведения. Но эта теоретическая крайность выбрасывает за борт ту долю истины, которая содержится в противоположном взгляде и именно тем самым дает ему право на существование.

Переверзев доказывает, что, как бы ни изменялись свойства личности автора, от этого не наступает никаких изменений в результате ее деятельности — в художественном произведении. Обвинение в фатализме, которое Плеханов бросает такой точке зрения, есть обвинение, целиком относящееся к Переверзеву. Переверзев поочередно растворяет то объект в субъекте, то, как в последнем случае, субъект в объекте, устраняет личность и тем самым придает своей теории фаталистический характер.

Плеханов думал, что фатализм всегда имеет место там, где допускается такого рода растворение. «Фатализм, — пишет он, — явился бы здесь как результат исчезновения индивидуального в общем. Говорят: «если все общественные явления необходимы, то наша деятельность не может иметь никакого значения»².

Именно так думает Переверзев, и только при этом условии позволительно сбрасывать личность со счетов. Но Плеханов добавляет: «Такой вывод правилен, только им неправильно пользуются. Он не имеет никакого смысла в применении к современному материалистическому взгляду на историю, в котором есть место и для единичного»³.

В концепции Переверзева совершенно не оставлено места для «единичного», но тем самым она ставит себя вне пределов «современного материалистического взгляда на историю».

Советую Переверзеву справиться у такого «идеалиста», каким был Энгельс, как он понимал историю: «История развития в человеческом обществе существенно отличается от истории развития в природе. Именно: в природе (поскольку мы оставляем в стороне обратное влияние на нее человека) действуют одна на другую лишь слепые, бессознательные силы, и общие законы проявляются лишь путем взаимодействия таких сил. Здесь нигде нет сознательной, желанной

¹ Плеханов, т. VIII, стр. 282.

² Там же, стр. 303.

³ Там же, стр. 304.

цели: ни в бесчисленных кажущихся случайностях... ни в окончательных результатах... Наоборот, в истории общества действуют люди, одаренные сознанием, движимые убеждением или страстью, ставящие себе определенные цели. Здесь ничто не делается без сознанного намерения, без желанной цели»¹.

Видите: тот же самый взгляд, что и у Плеханова. Ход истории определяется общими законами, на фоне и в пределах которых действуют люди с их сознанием, целями, убеждениями, стремлениями. Все эти «идеальные силы», будучи продуктом общих законов, в свою очередь являются необходимыми звеньями общей цепи событий. Исследование этих «идеальных сил» не только не стоит за пределами научного анализа, но наоборот, является важнейшим для него делом. Но ни с Энгельсом, ни с Плехановым Переверзев не согласен. «Замыслами художника ничего не объясняется в поэтическом факте», — твердит он.

Но пусть все же он еще раз прислушается к тому, что думает об этом Энгельс: «Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные сознательные цели, а в результате множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир получается история. Вопрос сводится, стало быть, к тому, чего хочет это множество отдельных лиц. Воля определяется страстью или убеждением. Но те влияния, которыми, в свою очередь, непосредственно определяется страсть или убеждение, далеко не одинаковы. Иногда они исходят от внешних предметов, иногда — от идеальных двигателей: честолюбия, «восторженной любви к истине и праву», личной ненависти или даже всякого рода прихотей»².

Марксист, стало быть, не отбрасывает замыслов, желаний, страстей, убеждений (в применении к искусству, речь идет о художнике) как нечто ненужное и мешающее исследованию. Он признает их значение в истории. Но марксист идет дальше: он стремится объяснить все эти элементы человеческой психологии влиянием более глубоких причин.

Энгельс считает, что старый, домарксовский материализм неудачно объяснял исторические явления именно потому, что он не сумел найти этих конечных причин. «Не в том состояла его непоследовательность, — пишет Энгельс, — что он признавал существование идеальных побудительных сил, а в том,

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах.

² Там же.

что он остановился на них, не стремясь проникнуть дальше, дойти до причин, создавших эти силы»¹.

Но, в свою очередь, последовательность марксизма заключается вовсе не в том, что он будто бы отрицает идеальные силы, а в том, что, признавая их роль в истории, марксизм ищет и находит более глубокие причины исторических явлений в развитии производительных сил, причины, действием которых создаются сами идеальные силы. Плеханов на примере самого Энгельса растолковывает истинную связь объекта с субъектом, значение роли личности в историческом процессе. «Люди неразвитые, — говорит он, — могут спросить нас: если все дело в свойствах действительности, то причем же тут Энгельс, чего он вмешивается в неотвратимый исторический процесс со своими идеалами? Разве без него не обойдется дело? С объективной стороны положение Энгельса представляется так: в процессе перехода из одной своей формы в другую действительность захватила его, как одно из необходимых орудий предстоящего переворота. С субъективной стороны выходит, что Энгельсу приятно это участие в историческом движении, что он считает его своим долгом и великой задачей своей жизни. Законы общественного развития так же мало могут осуществляться без посредства людей, как законы природы без посредства материи»².

По Плеханову выходит, что точка зрения, сводящая влияния личности на ход исторического процесса к *quantité négligeable*, есть точка зрения неразвитых людей. А именно ее придерживается Переверзев. Исключать личность из объекта литературоведения ничего другого не означает, как полагать, что художественное творчество может совершаться без посредства людей, в данном случае — художника. А роль людей признается, то она состоит в их деятельности под влиянием идеальных сил: целей, стремлений, убеждений, страстей, идей и т. д.

Плеханов, прямо вопреки тому, что проповедует Переверзев, признает безоговорочно значение личности в истории: «Но я ведь и не отрицаю значения личности в истории вообще и в истории литературы в частности. Ведь без личности не было бы и общества, а значит, не было бы и истории»³.

Сравните с этим категорическим утверждением положение Переверзева, о том, что «из объекта исследования литературоведа, из поля его зрения и поля его внимания выпадает

¹ Энгельс, Людвиг Фейербах.

² Плеханов, т. VIII, стр. 398.

³ Плеханов, т. XIV, стр. 211.

совершенно авторская личность», — и вы получите меру расхождения Переверзева с Плехановым в этом вопросе, вы уразумете, как своеобразно и бесцеременно наш ученый литературовед истолковывает слова «полное согласие».

Из плехановского определения искусства вытекает его социальная роль: искусство служит средством общения людей, средством передачи в образной форме человеческих желаний, настроений, мыслей. Именно в этом смысле оно представляет собою общественное явление. Плеханов пишет: «Само собой разумеется, что в огромнейшем большинстве случаев он (художник, придающий образное выражение своим мыслям и чувствам.— С. Ц.) делает это с целью передать передуманное и перечувствованное им другим людям. Искусство есть общественное явление»¹.

Если принять определение искусства Переверзева, то надо признать, что оно не может служить средством общения людей, не может выполнять этой своей функции. Если чувства и мысли художника не заложены в его произведениях, не относятся к области художественного творчества, то что же, собственно, может передать он другим людям чрез посредство создаваемых им образов? Переверзев так и отвечает: ничего художник не передает другим людям. Он только воспроизводит социальные характеры, дает их образы. Сообщить ни врагам, ни друзьям по классу художник ничего не может. Он целиком связан по рукам и ногам точным воспроизведением действительности, как она есть. А если уж ему непременно хочется передать что-то своим ближним, тогда он покидает на время надзвездные сферы искусства и обращается к публицистике.

«Литература есть игра в жизнь, а социальный смысл этой игры, — подготовка, воспитание для жизненной борьбы»². Только игра в жизнь и только подготовка к ней. Если художник испытывает потребность принять участие в самой жизненной борьбе, тогда он от игры, от художественного творчества обращается к публицистике. Но с помощью самого искусства он этого сделать не может. Оставаясь художником, он не может выйти за пределы игры, предварительного упражнения, подготовки к жизни.

Но Плеханов учит нас, что мысли и чувства передаются не только при посредстве публицистики, но также в образах, при посредстве искусства. Следовательно, художник

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 2.

² «Литература и марксизм», 1929, № 2, стр. 5.

может, и не прибегая к публицистике, принять участие в жизненной борьбе, в борьбе классов. Сущность художественного творчества именно в том и заключается, что оно выражает мысли не в силлогизмах, как публицистика, а в живых конкретных образах. Художник может за всю свою деятельность ни разу не прибегнуть к публицистическому выражению своих мыслей и чувств. Достоинство его художественных произведений от этого не только не страдает, но, наоборот, возрастет. И все же пред ним не только не закрывается арена общественной борьбы, он не только не обрекает себя на суррогат жизненной борьбы — игру, но наоборот, он не может сохранить этой своей замкнутости, он неизбежно вынуждается принимать участие в самой разыгрывающейся борьбе именно потому, что его образы не просто образы, но специфическая, свойственная только искусству, форма выражения мыслей и чувств.

Переверзев усиливается создать из художественного творчества заповедную область только ценой отказа от того понимания его сущности, которое дано Плехановым, вслед за Чернышевским, Белинским, Гегелем. Функция искусства как средства общения между людьми вытекает прямо из того понимания его сущности, которое мы имеем у Плеханова. Он пишет: «Искусство есть одно из средств духовного общения между людьми. И чем выше чувство, выражаемое данным художественным произведением, тем с большим удобством может, при прочих равных условиях, это произведение играть свою роль указанного средства. Почему скряге нельзя деть о потерянных деньгах? Очень просто: потому что, если бы он зашел о своей утрате, то его песня никого не тронула бы, т. е. не могла бы служить средством общения между ним и другими людьми»¹.

Переверзеву все это должно представляться праздною болтовней. Раз ни мыслей, ни чувств своих художник не выражает, то следовательно он их и передать никак не может. Плеханов продолжает: «Мне могут указать на военные песни и спросить меня: разве же война служит средством общения между людьми? Я отвечу на это, что военная поэзия, выражая ненависть к неприятелю, в то же время воспеваает самоотвержение воинов, — их готовность умереть за свою родину, за свое государство и т. п. Именно в той мере, в какой она выражает такую готовность, она и служит средством общения между людьми»².

¹ Плеханов, т. XIV, стр. 138.

² Там же.